

Говорят, что бодливой корове Бог рогов не даёт. Одни это выражение вспоминают походя, а для других — им сформулирована вся их жизнь. Так размышлял Алексей Ветлугин, мужчина 32 лет, высокий, красивый, любящий и любимый женой. Она у него, как и он сам, из хорошей семьи. Она младше мужа на пять лет, и уже расцвела красотой женщины, а не девочки. Не худенькая, но и не полная, как и муж, высокая, светло-русая и очень женственная.

С сильно возбуждавшими Алексея выпуклыми ареолами на вершинах грудок, не твёрдых и не мягких, как наполненных киселем, а именно упруго колышущихся под одеждой при ходьбе, что неизменно привлекало взгляды его друзей и знакомых. Занималась любовью Люба всегда с нежностью, не скрывая от мужа своего удовольствия, и не было в ней ханжества. Скромность, застенчивость — были, а развращённости в голове — никогда.

Именно потому она никогда не сбривала золотистых волос, как теперь говорят, в зоне бикини, когда бриться, чтобы быть похожей на проститутку вошло в моду у многих распущенных женщин в нашей стране в начале девяностых. Мечта, а не женщина, жить и жить с такой, плодиться и размножаться бы! Бы! Бодливой корове...

Пять лет назад супруги поняли, что что-то не так. Алексей, сам медик по образованию, именно образованию, а не только по диплому, прошёл тщательное обследование и теперь оба супруга знали наверняка, что от мужа у прекрасной Любы потомства быть не может. Много ночей им вздыхалось по этому поводу, но Люба готова была принять эту участь, а не бросать любимого или беременеть от незнакомца.

Она даже не говорила никому про их беду, ни — в семье, ни — подругам: гордость и стыд разгласить порочащую мужа тайну, не позволяли ей откровенничать на эту тему. Особенно сильно переживал по этому поводу Алексей. Он осознал, что годы для беременности любимой — не бесконечны, да и желание настоящей семьи вызывало в нём жгучую зависть к ровесникам, уже ставшим отцами, а то и дважды.

Он с головой ушёл в работу, исправно избавляя пациентов от депрессий и прочих бед, а сам — молча страдал. И однажды зашёл у них ночной разговор на самую болезненную тему. Алексей уже давно понял, что ревнивое чувство от того, что он сам хочет предложить жене, всё сильнее овладевает им, возбуждает, соблазняет своей порочностью.

И вот, настал момент, когда он решился озвучить свою мысль Любе. Забеременеть от другого мужчины она наотрез отказалась, а для Алексея эта мысль с каждым днём становилась всё более навязчивой. Теперь он напряжённо размышлял над тем, как это осуществить таким образом, чтобы никто и никогда не узнал тайны зачатия, и придумал. Была у него одна тайна даже от жены, которая теперь могла помочь.

Ветлугины, живя в приморском городе, на редкость встреч с друзьями и родственниками не жаловались. Вот и теперь, на две недели к ним пожаловал тесть, Любин отец. Иван Сергеевич и раньше приезжал один, без супруги, которой болезнь не позволяла долго находиться в солнечном климате, поэтому всё было как всегда.

Когда на следующий день после приезда тестя муж объявил, что договорился на работе, и две недели он будет дежурить ночью за коллег, зато днём они будут вместе, жена обрадовалась, но тут же встревожилась, что муж не будет высыпаться.

— Я на работе прихвачу часа четыре, и дома, перед работой столько же.

— Тогда пошли купаться! — радостно воскликнула Люба.

Купались и загорали они в уединённом месте. Прежде уже, Иван Сергеевич, бывая на пляже с молодыми, привык к тому, что дочь и зять купаются и загорают нагишом, и сам с ними тоже стал «нудистом». Всё было, как прежде, кроме одного: если и раньше вид прекрасно сложенного тела дочери заставлял его смущаться того, что видит в ней красивую женщину, волнующую кровь, то теперь он внезапно осознал, что вид этого обворожительного тела просто пьянит, всё сильнее разжигая в 50-летнем организме постыдное желание.

Дочь сразу заметила, что у отца проявилась отменная эрекция, а после поймала себя на том, что оценивающе разглядывает чресла своего отца. Его мужское достоинство было явно посolidнее, чем у мужа. Возникшее понимание того, что она смотрит на отца и видит в нём мужчину, вызвало приятное смущение и волнение. Других женщин здесь не было, и было очевидно, что именно она возбудила в отце желание. Эта мысль заставила сладостно ёкнуть сердечко и покраснеть женщину. Становилось всё более неловко от складывающейся ситуации, и все трое согласились с тем, что для первого раза достаточно накупались, и пора возвращаться в город, домой.

Алексей сразу же уехал на дежурство. Проводив мужа, Люба вновь вернулась к мысли о том, что отец — мужчина, который хочет её. Само по себе это уже вызывало трепет и возбуждение а мысль о том, что иногда такое бывает между дочерью и отцом — манила сладким ужасом. Она прежде где-то в интернете даже читала восторженные рассказы женщин, познавших такое единение. Раньше подобная мысль даже не могла прийти ей в голову, но не теперь. Люба удивлялась самой себе, что думает об этом со сладостным замиранием, желая такой связи.

Иван Сергеевич отправился в душ первым. Когда Люба после него встала под струи душевой лейки, в голову ей, с новой силой продолжила лезть фантазия про те ощущения, которые бы она испытывала, если бы почувствовала внутри себя то, к чему теперь так вожделела. Она старалась гнать эту мысль, но та только сильнее разжигала в Любе желание мужчины, и не просто мужчины, а своего собственного отца.

Выйдя из душа, она обнаружила его курящим на балкончике, всё таким же голым.

— Ничего, что я не оделся? Не привык к такой жаре. Люб, тебя не сильно смутит, если я пока так побуду?

— Да нет! Мы и на пляже так были, я, из солидарности даже могу тоже не одеваться, если хочешь!

— Хочу. Ты ведь и сама знаешь, что очень красива! Я даже, к стыду сказать, снова почувствовал в себе мужскую силу — засмеялся отец.

После они пили шампанское, слегка хмелея, а когда приблизились сумерки, танцевали, обнявшись и шумно, возбуждённо дыша в ухо друг другу. Люба часто сбивалась с ритма — у неё просто отключался разум, когда груди сминались волосатым торсом, а одеревенело торчащее отцово естество сладко потирало её, раскрывшуюся между золотистых кудряшек в трепетном ожидании.

Желание того, чтобы отец скользнул внутрь изнывающего жаром женского тела, в обоих всё усиливалось, но они не решались на этот шаг. Когда же это вдруг произошло само собой, оба в смущении замерли, а после Люба, плотнее прильнув к отцу, ощущала то, как мужская плоть, заполнила её всю, без остатка, даря блаженное ощущение слитности двух половинок в единое тело. Задыхаясь от волнения, Люба, прикрыв глаза и обвив отца руками, жарко прошептала

Ивану Сергеевичу:

— Папка, не знаю почему, но я безумно хочу тебя!

— И я, тоже. Только об этом и думаю! Ты стала такая красивая и желанная!

— Наверное, это — наша судьба: стать самыми близкими людьми. Или съели что-то — пошутила дочь.

— Да, судьба!

— Я с ума сошла! Не думала даже, что захочу любить тебя, как Алёшку!

А потом, страстно целуя дочь, он подхватил Любу, и перенёс, не нарушая слитности тел, на кровать. Больше мыслей не было, только неуёмное желание друг друга, которому они сдались, а отдышавшись отдались вновь. В голове у Любы путались мысли. Она всё ещё жутко стыдилась того, что отдаётся своему отцу, и в то же время осознание запретности делало наслаждение ещё более острым и притягательным.

Женщина в голос рыдала от сладости, и сама стремилась, чтобы отец оказался в ней как можно глубже. В какой-то момент вспомнилось про то, что у неё начались опасные для беременности дни, но это только усилило жажду ощутить его семя внутри себя. Радость материнства переставала быть призрачной мечтой, и Любе от этого становилось радостно. В какой-то момент она поняла вдруг, что именно подсознательное желание родить отпрыска и привело её к тому, что вот сейчас мужская плоть двигается в ней, доставляя наслаждение, какого с мужем у неё никогда не было.

Иван Сергеевич был на вершине наслаждения, обладая красивой молодой женщиной, и мозги рождали фантазию о том, как его дочурка округлится в животе и после родит сыночка. При этом он представлял её лицо, полное счастья. То, что со здоровьем у зятя проблема, они с женой уже давно догадались по тому, как болезненно тот переживает вид своих племянников. И теперь, убедив себя, отец уверился в том, что сделать дочь счастливой матерью — на данном этапе и есть его главная миссия, как отца.

Перед очередным соитием Люба вдруг высказала отцу сокровенное желание:

— Пап, оплодотвори меня! Я прошу! Я очень хочу, и никак не могу забеременеть! Пусть он будет, если уж не от Алёшки, то именно от тебя!

— Милая, я буду стараться, я помогу. — отозвался Любин отец.

И они старались до изнеможения.

Самой ужасной пыткой для Любы стало утро. Она умирала от стыда и страха, что муж узнает о том, что происходило у них с отцом ночью, заметив что-либо, поэтому любовники тщательно вымылись и прибрались до возвращения Алексея с работы. Днём они снова купались в море, и теперь только муж не был таким радостным, как они с отцом, но Люба отнесла это на счёт его усталости после ночного дежурства.

К ночи она вновь осталась наедине с любимым папулей, и это была не мене восхитительная по своей сладости ночь. Теперь они оба целенаправленно старались сделать всё, чтобы Люба забеременела, как и во все последующие ночи пребывания её отца в гостях у зятя с дочкой.

Дни проходили в прогулках по городу, залитому запахом роз и миндаля, а ночи были лучше любой сказки. Иван Сергеевич вновь почувствовал себя молодым, сильным и счастливым.

Но настало время расставания. На вокзале нежно обнимаясь, отец без конца повторял, шепча дочери на ушко:

— Всё будет хорошо, и ты станешь счастливой мамой.

Проснувшись утром в поезде, он с удовольствием вспоминал отпуск, то, как купался, какой

красавицей стала его дочь, как похорошел в последние годы город, что зять его — настоящий мужик, трудяга. В теле своём он ощущал заряд бодрости и молодости. На душе его было хорошо и спокойно, потому, что уже не было в его сознании и памяти ничего, что связывало бы с любовными отношениями между ним и Любашей.

Люба, проснувшись утром, не только не подумала о том, как бы муж не прознал про них с отцом, напротив — в её памяти были только чудесные дни, проведённые с любимым папулей, и ничего о том, что были и ночи. Она не помнила даже того, какие распутные мысли вызывал в ней отец своим видом, словно и не было такого никогда. Просто приезжал папа, отдохнул, и уехал.

Алексей, проснувшись утром, знал, что ни — тесть, ни — жена никогда не вспомнят и не узнают всей правды про этот отпуск Любиного папы. Немного досадно было от того, что не он станет биологическим отцом, но чего не сделаешь ради того, чтобы видеть любимую счастливой семейным счастьем! Главное, что его тайна, как психотерапевта, осталась при нём!

Выходя из Роддома, Люба сияла от счастья:

— Вот! А ты — не верил, что всё у нас получится, и надо просто подождать! А я всегда знала и верила, что ты — сможешь, что подаришь мне чадо!

— Ты вся так и сияешь радостью, любимая! И я, от этого, чувствую себя самым счастливым папой на земле! Теперь ты довольна?

— Не-а! Вот сделаешь мне ещё и дочку, тогда — да, буду самой счастливой матерью, и самой любящей женой! Посмотри! Разве не прелесть?! Вылитый — ты!